

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

ЖИТЬ ПО СЕРДЦУ

* * *

Повинную голову меч не сечёт!
Кровавая выдалась зорька —
Постичь непреложный житейский расчёт.
Сердешный мой, что же так горько?

И день понесётся сорвиголовой
По диким степям-бездорожьям.
Не каждое слово — удар ножевой —
Излечишь целебной ложью.

Степняцкие ветры, лихие мечи
Упрятаны в ножны земные...
Ну что ж ты, сердешный, в сторонке молчишь,
Решив повиниться впервые?

С улыбкой смиренной идущий на казнь,
Не жди воздаяния — в слове!

СЕЙДАМЕТОВА Карина Константиновна родилась в Самарской области. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Э. Балашова). Автор нескольких поэтических сборников. Стихи публиковались во многих бумажных и электронных изданиях России и Ближнего зарубежья: журналах "Наши современники", "Москва", "Подъём" (Воронеж), "Дон" (Ростов-на-Дону), "Гостиный Двор" (Оренбург), "Волга XXI век" (Саратов), "Коломенский альманах" (Коломна), "Аргамак" (Татарстан), "Простор" (Казахстан), "Новая Немига Литературная" (Минск), "Сухум" (Абхазия), ВЕЛИКОРОССЪ и др. Лауреат литературной премии имени Юрия Кузнецова. Член Союза писателей России. Живёт и работает в Москве.

Твою беспощадную чую приязнь,
Я меч свой держу наготове.

Спокойно сижу у холодной реки,
Смотрю, как дрожат золотые
Кувшинки речные, вдеваю в крючки
Рыбацкие лески простые.

Мне лстивые вражды повадки видны
В цветении болиголова...
Я чаю под вечер с речной стороны
Урочного часа улова.

* * *

За разлукою встреча, за встречей разлука,
Нет нужды называть имена...
Тополиная стылость — скупая порука —
Без вины виноватых вина.

Участь всех разлучённых взывать к милосердию
От начала библейских времён...
Отчего же бедой отдаётся в предсердьи
Свято-Троицкий ласковый звон?

И растёт, и гудёт, подпирая некрополь,
Исполиновый, как на духу,
Вечно памятный, неумираемый тополь,
И земля утопает в пуху.

Снова временный выскерк внезапной любви
Гасит ненависти прямота...
Шелестит растворённое в листовном слове
Первородное имя Христа.

День и ночь отпевает расхристанный ветер
Расставальный разлучный рассвет...
И щебечут птенцы — соловьиные дети:
“Смерти нет, смерти нет! Смерти нет...”.

* * *

В России скучной жизни не видать,
То бьём, то пьём, по-новой наливая,
Умеем с пылом, с жаром наподдать,
А если не добьём — перебиваем!

Подхваченный стихийною волной,
Поддавшись разгуляю в росном поле,
Народец залихватский и шальной
Боль терпит до потери чувства боли!

Который век выписывает дождь
Стальной автопортрет в небесной раме,
То Белобог, то князь, то царь, то вождь,
То сам Христос мелькнёт за облаками...

...Лишь избранным почувствовать дано,
Что Крыма не бывает без Нарыма...
Россия — вервие, веретено,
Что вьётся сквозь века неутомимо.

Очередной опасный поворот...
Мы снова на краю, но может стать ся,
Что человек заоблачный придёт
Чтоб с небом на земле не разлучаться!

Мы ждём его уже который год,
На взятки гладки, с недругами квиты.
Ведь если он однажды повернёт,
На Русь идеша — нас, хмельных найдёт —
Отъявленных, отпетых и отбитых.

* * *

Божия милость резка,
Правда — не тёмная копоть.
Шип от сухого бруска
Впился занозой под ноготь

И поперёк, и повдоль
Ноет, кровит, нарываает,
Но через жгучую боль
Вновь ощущаю — жива я.

Так же, наверно, в душе
Ноет заноза-приблуда,
А исцеленье уже
Уподобляется чуду?

Трепетной жизни щепы
Хищно впивается в тело.
Душу на щепки щипать —
Наше привычное дело!

В барном плену куража
Мир забывая устало,
Здесь ни к чему обнажать
Слово — пчелиное жало.

Злобным занозным речам
Верится волей-неволей.
Свойственно слову крепчать,
Душу ужалив до боли.

Чтобы сквозь боль и огонь
Пришлого, подлого, злого
Солнцем сочиться — лишь тронь! —
В жизненных сотах медовых.

* * *

Крутится с песней по детской юла,
Пляшет юла.
Сына себе — молода и кругла —
Я родила.

Только заплачет мой славный кричун —
Юлку кручу.
Сын улыбается, нежен и юн —
Мир по плечу!

Ну а про то, что великая стынь
Застит пустырь,
Пусть до поры не узнает мой сын,
Мой богатырь!

Маленький дом наш — четыре угла,
Дни да дела,
Сын подрастает, тружусь, как пчела —
Пляшет юла.

Крутится ночи и дни напролёт,
Пляшет, поёт.
Сын мой растёт, и тревога растёт
Из года в год.

Как ни раскручивай, как ни крути,
Шар наш земной —
Сын мой, надежда моя во плоти
Передо мной!

Будни — тщета, суета, маята,
Продыху нет...
Певчей юлой озаряет мечта
Детский рассвет!

Как ни юли, так созвездья легли.
Мчится волчок!
Яркий маяк ты мой, чудо земли,
Мой светлячок!..

* * *

Из редакции выйдешь на улицу — сотни машин
И мелькание фар по дорогам разбито невзрачным,
А в тиши кабинетной Василий Макарыч Шукшин
С фотографии смотрит, прищурившись неоднозначно.

Нам, Василий Макарыч, поэтам, не всё ли равно,
Что приять за роман откровенный с финалом счастливым?
А иначе-то разве бывает в хорошем кино,
Где вздыхают и смотрят искательно и сиротливо?..

Нам, Василий Макарыч, избыть бы хандру-кутерьму,
Саркастически лыбиться всем ко всему безучастным.
Только русский привык жить по сердцу, а не по уму,
Зарекаться и снова рыдать под калиною красной!

Сердце-сердце смятенное... Как быть спокойным ему,
Принимая и радость, и боль, и судьбу добровольно
И закат и восход, и навет, и суму, и тюрьму,
Хоть и крикнуть охота порой: "...Презираю. Довольно!",

Недовольная выйдешь навстречу ревеню машин,
Мельтешению фар и неоновым вывескам злачным...
И спиной ощутишь, как Василий Макарыч Шукшин
Одиноко с портрета глядит, ухмыляясь наждачно.